DOI: https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-54-73
УДК 930.253 (471.55)

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЗУЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

А. А. Пасс
Челябинский государственный университет
ул. Проспект победы, 162-в, к. 223, Челябинск, 454084, Россия
Л. В. Никитин
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
пр. Ленина, 69, Челябинск, 69454080, Россия

Аннотация

Введение. В статье определена научная ценность исторических источников для раскрытия проблемы экономической преступности в период 1941–1945 гг. Понимание рисков, которые представляют для современного российского общества коррупция и использование служебного положения в корыстных целях, требует обращения к историческому опыту Великой Отечественной войны. Тогда противостоять пришлось не только сильному внешнему врагу, но и внутренним вызовам, среди которых особое место занимала активизация криминальных элементов, в том числе в хозяйственной сфере. Несмотря на сравнительно большое число публикаций историко-правового характера, посвященных феномену экономической преступности и мерам по ее пресечению, вне фокуса исследования остается солидный пласт архивных фондов, в том числе хранящихся в региональных архивах, например, в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО). **Материалы и методы.** В основу исследования, выполненного в русле институционального методологического подхода с применением источниковедческой эвристики, источниковедческого анализа, историко-сравнительного метода, положены архивные источники. **Результаты.** Показано, что выявленные в ОГАЧО документы состоят из не публиковавшихся ранее материалов обкомов и горкомов партии; первичных партийных организаций органов юстиции и внутренних дел; уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области; Челябинского областного суда; Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области. В разнообразных протоколах заседаний, отчетах, справках и директивах представлены как характерные для военного периода деликты: спекуляция, хищения, взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями со стороны чиновников и директорского корпуса, так и способы противодействия им. Кроме того, сделана попытка оценить результативность предпринимавшихся шагов, выявить ошибки и наметить пути их исправления. **Заключение.** Автор пришел к выводу, что проанализированные документы обладают высокой степенью объективности и подтверждают тезис о росте количества и расширении спектра экономических преступлений в условиях вызванных тотальной войной социальных потрясений. В качестве основной стратегии борьбы с ростом экономических преступлений на протяжении 1941-1945 гг. региональные власти прибегли к ужесточению карательной политики, но это не дало ощутимого результата. Эффективность мер, направленных на обеспечение охраны государственной и общественной собственности, снижалась вследствие ухудшения количественного и качественного состава органов правосудия, конъюнктурных соображений со стороны партийного руководства, которые предопределили избирательный характер советского правосудия, а также применения излишне

жестоких наказаний по отношению к гражданам, совершавшим правонарушения по причине нужды и голода.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, исторические источники, региональные архивы, экономическая преступность, органы власти, карательная политика, избирательное правосудие

Для цитирования: Пасс А.А., Никитин Л.В. (2024). Информативный потенциал документов Объединенного государственного архива Челябинской области в изучении экономической преступности в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. // История: факты и символы. № 4 (41). С. 54-73 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-54-73

Статья поступила: 19.08.2024

Статья принята в печать: 27.09.2024

Статья опубликована: 11.12.2024

© Пасс А., Никитин Л., 2024

INFORMATIVE POTENTIAL OF DOCUMENTS OF THE UNITED STATE ARCHIVE OF THE CHELYABINSK REGION IN THE STUDY OF ECONOMIC CRIME DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

A. A. Pass

Chelyabinsk State University,

162-v Prospekt Pobedy St., 223, 454084, Chelyabinsk, Russia

L.V. Nikitin

South Ural State Humanitarian Pedagogical University.

69, Lenin pr., 454080, Chelyabinsk, Russia

Abstract

Introduction. The article defines the scientific value of historical sources for revealing the p roblem of economic crime in the period 1941-1945. Understanding the risks that corruption and abuse of office for selfish purposes pose for modern Russian society requires turning to the historical experience of the Great Patriotic War. Then it was necessary to confront not only a strong external enemy, but also internal challenges, among which a special place was occupied by the activation of criminal elements, including in the economic sphere. Despite the relatively large number of historical and legal publications devoted to the phenomenon of economic crime and measures to suppress it, a solid layer of archival funds remains outside the focus of the study, including those stored in regional archives, for example, in the United State Archives of the Chelyabinsk Region (UGACHO). **Materials and methods.** The study, carried out in line with the institutional methodological approach using source study heuristics, source study analysis, historical and comparative method, is based on unpublished archival sources. **Results.** It is shown that the documents identified in the OGACHO consist of previously unpublished materials of regional and city party committees; primary party organizations of justice and internal affairs agencies; authorized representative of the Party Control Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) for the Chelyabinsk Region; Chelyabinsk Regional Court; Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Chelyabinsk Region. A variety of meeting minutes, reports, certificates and directives present both delicts typical of the war period: speculation, theft, bribery, abuse of office by officials and the directorate, and ways to counter them. In addition, an attempt was made to assess the effectiveness of the steps taken, identify errors and outline ways to correct them. **Conclusion.** The authors came to the conclusion that the documents identified have a high degree of objectivity and confirm the thesis about the growth in the number and expansion of the spectrum of economic crimes in the conditions of social

upheavals caused by the total war. As the main strategy for combating the growth of economic crimes during 1941-1945, regional authorities resorted to toughening the punitive policy, but this did not produce tangible results. The effectiveness of measures aimed at ensuring the protection of state and public property was reduced due to the deterioration in the quantitative and qualitative composition of the justice bodies, opportunistic considerations on the part of the party leadership, which predetermined the selective nature of Soviet justice, as well as the use of excessively harsh punishments in relation to citizens who committed offenses due to need and hunger.

Keywords: The Great Patriotic War, historical sources, regional archives, economic crime, authorities, punitive policy, selective justice.
For citation: Pass A. (2024). Informative potential of documents of the United states archive of the Chelyabinsk region in the study of economic crime during the Great Patriotic war of 1941–1945 In *History: facts and symbols*, 4 (41), 54-73 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-54-73
Received: 19.08.2024
Revised: 27.09.2024
Published: 11.12.2024
© Pass A., 2024

1. Введение

Известно, что воссоздание подлинного, а не декларируемого исторического опыта немыслимо без обращения к архивам. В них отложилось множество сюжетов о хозяйственных деликтах, имевших место на протяжении военных лет, их видах, масштабе, предпосылках, а также способах нейтрализации. Однако, в советское время вследствие многолетней «закрытости» серьезной источниковой базы и цензурных запретов их разработка не приветствовалась. Сегодня жесткий партийный контроль, идеологические клише и опасение дискредитировать первое в мире государство рабочих и крестьян ушли в прошлое. Современные обществоведы получили доступ к документам, совсем недавно носившими гриф «секретно». Они свободно формулируют и излагают свое мнение, основанное, в том числе, на знакомстве с трудами и методологическими наработками зарубежных коллег [12].

Однако сомнения по поводу репрезентативности архивных данных, непосредственно относящихся к заявленной теме, у научного сообщества остались, и это по-прежнему мешает формированию объективного взгляда на социальные процессы в стране, сумевшей победить гитлеровскую Германию. Так, А. В. Пыжиков и В. И. Скоробогатова уверены в антиконституционности сталинской правоохранительной системы образца 1930-х – 1950-х гг., из-за чего к официальной статистике, пусть и не предназначенной для широкой публики, но так или иначе отражавшей параметры и специфику преступности (включая экономическую), якобы нельзя относиться с доверием [9, с. 4].

Е. Ю. Зубкова и А. И. Куприянов, напротив, предложили не бояться привлекать эти виды источников, поскольку даже простая фиксация правонарушений судебно-следственными органами позволяет реконструировать и сами нормы (юридические и моральные), и политику властей в отношении их поддержания и соблюдения [1, с. 18, 19]. Эту точку зрения поддержал представитель Высшей школы экономики А. Старков, который считает, что изучение дел, проходивших через правоохранительные органы, с исторической точки зрения позволяет проследить не только трансформацию государственной репрессивной политики в отношении населения в период Великой Отечественной войны, но и социальную реальность во всём её многообразии: от динамики настроений людей до тактик их выживания в условиях ограниченных ресурсов [11, с. 95, 96].

Компромиссную позицию в рамках указанной заочной дискуссии заняла Т.Н. Никонорова, изучившая делопроизводство Комиссии партийного контроля в 1934–1952 гг., в чьем ведении находилось расследование хозяйственных злоупотреблений представителей номенклатуры. Татьяна Николаевна признала несовершенство работы данного учреждения, которое выразилось во «всеохватности» полномочий, обилии внутренних канцелярских бумаг, дублирующих одну и туже информацию, сухой протокольности и слабой обратной связи с информантами. Вместе с тем, анализ материалов, отложившихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), позволил ей в подробностях реконструировать как деятельность КПК, так и источники материальных благ у чиновников, оказавшихся в поле зрения контролеров [2; 3; 4; 5; 6].

Ведущий зарубежный специалист по изучению сталинизма П. Соломон тоже обращался к фондам российских архивов при изучении советской юстиции 1930-х – 1950-х гг. [10]. И, хотя ученый не выделил специального раздела, посвященного военному периоду, он пришел к обоснованному выводу, что в то время возможностей у судебно-прокурорского для противодействия диктату высшего руководства было больше, чем в годы правления последующих «вождей». Следовательно, доступная источниковая база имеет разносторонний характер и не «лакирует» действительность, а отражает реальные процессы, происходившие в уголовно-правовой сфере.

Наша гипотеза состоит в том, что объем и качество архивных документов, которые содержаться в центральных и местных хранилищах, вполне позволяет предпринять целевое исследование. Ее доказательству был посвящен ряд работ, опубликованных автором ранее [7; 8]. Настоящая статья продолжает этот цикл.

2. Материалы и методы

Исследование выполнено на основе институционального подхода с применением источниковедческого анализа и эвристики, а также историко-сравнительного метода. В числе актуальных критериев современной методологии поиска и анализа профильных архивных материалов такие императивы, как необходимость учета исторического и социокультурного контекста, в рамках которого был создан документ; определение замысла акторов, инициировавших и оформивших конкретные свидетельства; измерение исторической дистанции, качества и аутентичности отобранных архивных источников.

3. Результаты

Среди нормативно-директивных источников изучаемого периода главное место занимают документы партийных комитетов и организаций. В стенограммах и протоколах их заседаний, зачастую проходивших совместно с депутатами и работниками исполкомов Советов, руководителями предприятий, отразилось абсолютное влияние партии большевиков на все сферы жизни советского общества военной поры. Анализ отчетов, докладных записок, справок, материалов совещаний дает возможность проследить за тем, как осуществлялся контроль за состоянием хозяйственной преступности, и какие меры предлагались для ее обуздания.

Большое значение для целей исследования имеет фонд 288 Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), где собраны документы Челябинского обкома ВКП(б). Впервые после начала войны с вопрос о борьбе с хищениями встал на XII пленуме ОК[1] 23 ноября 1941 г. в связи с ходом хлебосдачи государству. В речи третьего секретаря А. А. Белобородова отмечалось, что регион выполнил план лишь на 1/3, что было худшим показателем по РСФСР. Среди причин провала назывались: саботаж председателей сельхозартелей, засоренность аппарата заготовительных организаций неблагонадежными элементами,

[1] Пленум – собрание членов ВКП(б), занимавших ключевые должности в государственном и партийном аппарате, а также в промышленности и сельском хозяйстве для обсуждения и принятия важных политических решений. Созывался не реже 1 раза в 4 месяца (прим. авт.).

прямое воровство зерна крестьянами. В адрес прокуратуры последовало обвинение в «либерализме» и стремлении «как бы кого не обидеть». А ведь только в одном Галкинском районе за срыв поставок правоохранители возбудили 20 уголовных дел[1].

Вернулись к проблеме на XVI пленуме обкома партии в июне 1942 г. Первый секретарь Н. С. Патоличев посетовал, что подразделения РОВД и районные прокуроры плохо помогают наведению порядка в деревне, ссылаясь на незнание колхозной жизни. Вместе с тем, по словам начальника областного управления НКВД Красненко кражи урожая удалось минимизировать. Из общего количества похищенного 2/3 были возвращены. Главный милиционер рекомендовал провести серию открытых судебных процессов, чтобы и у воров, и у тех, кто намеревался совершить преступление «забегали мурашки по телу»[2].

В конце 1943 г. очередной пленум челябинского ОК ВКП(б) вновь поставил хлебозаготовки в центр внимания. С удовлетворением констатировалось, что активность правоохранительных органов в период уборочной страды усилилась. За разбазаривание собранного продовольствия к уголовной ответственности привлекли более двухсот человек, в том числе руководителей сельхозпредприятий и бригадиров[3].Приведенные материалы свидетельствуют, что в деятельности партийно-бюрократической машины, сложившейся в первой половине 1930-х гг., несмотря на высокую степень угрозы, которую принесло германское нашествие, по-прежнему преобладали призывы к внеэкономическому принуждению и эскалации карательных мер в качестве универсального средства получения необходимых ресурсов.

Непосредственное руководство текущими делами возлагалось на бюро обкома[4]. Предварительно проводился анализ сложившейся ситуации, и полученный результат использовался при подготовке постановлений. Их текст содержит множество интересных деталей. Так, 25 марта 1942 г. обсуждалась работа областного суда. Критике подверглись его председатель Калмыков и глава регионального управления Наркомата юстиции Лавренков за недооценку и непринятие необходимых мер по взысканию ущерба, нанесенного растратчиками и расхитителями. Недовольство было вызвано тем, что гражданские иски удовлетворялись чуть более, чем в половине случаев[5].

В середине апреля 1942 г. в обкоме озаботились случаями злоупотреблений служебным положением, которые допускали отдельные городские и районные военные комиссары. За определенную мзду последние освобождали от призыва в армию работников снабженческих организаций. Областного военкома обязали проверить факты и привлечь виновных «к строгой ответственности»[6]. Поскольку речи о применении уголовной статьи в резолюции нет, то, скорее всего, наказание ограничилось внушением.

Спустя всего неделю на заседании областного штаба коммунистов разбирался проступок второго секретаря челябинского горкома Рогова, израсходовавшего на банкеты часть денег, собранных населением на приобретение теплых вещей для бойцов Красной Армии. Как оказалось, поступившие средства переводились на личную сберкнижку его приятельницы, заведующей базой Росглавлессбыта Древняковой, откуда произвольно тратились. В итоге Рогова уволили, заставив уплатить недостающую сумму (6720 руб. 56 коп.), а всему составу бюро ГК вынесли дисциплинарное взыскание. Кроме того, ввели правило, согласно которому пожертво-

[1] ОГАЧО. Ф. 288. Оп.4. Д.20. Л. 98, 99.
[2] ОГАЧО. Ф. 288. Оп.6. Д.11. Л. 27, 127, 129.
[3] ОГАЧО. Ф.288. Оп.7. Д.8. Л.13.
[4] Бюро ОК ВКП(б) – регулярный орган, состоящий, преимущественно, из членов секретариата и заведующих отраслевыми отделами. Определял тактическую линию в реализации политики партии. Собирался 1-3 раза в неделю (прим. авт.).
[5] ОГАЧО. Ф.288. Оп.42. Д.20. Л.419 – 421.
[6] ОГАЧО. Ф.288. Оп.42. Д.20. Л.504.

вания зачислялись на спецсчет в Госбанке, а теплые вещи и белье под расписку сразу передавались на склад Наркомата обороны[1].

Гораздо жестче бюро ОК реагировало на тревожные сигналы, поступавшие от вышестоящих инстанций. Например, в конце апреля того же года в зерновых хозяйствах Звериноголовского района Челябинской (ныне Курганской) области прошел рейд комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), которая выяснила, что на внутренние нужды, товарообмен на рынке и личное потребление членов правления колхозов и приближенных к ним лиц тратится до 77% от сданного в закрома родины. Последовал вердикт: председателю райисполкома Волкову и уполномоченному по заготовкам Журавлеву объявить выговор; секретаря райкома Гончарова с должности снять и рассмотреть его персональное дело; в отношении остальных, уличенных в самоснабжении, начать прокурорское расследование[2].

Кое-где хлеб списывался, как погибший или зачислялся после обмолота в отходы, после чего присваивался. Только в сентябре-октябре 1942 г. начальник областного земельного управления Прутовых незаконно вывел из сельскохозяйственного оборота свыше 65 тыс. га. посевов. За это его выгнали с работы и исключили из партии, что тогда было равносильно гражданской казни. От имени обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся сельским парторганизациям, комсомольцам и активистам направили открытое письмо, которое призывало к непримиримой борьбе с очковтирательством[3]. Результаты не заставили долго ждать. В декабре 1942 г. бюро ОК стало известно об изобличении колхозниками Сосновского района управляющего заготпунктом Судорожина и зав. складом Чумак-жуня, искусственно завышавшим влажность принимаемого зерна и создавшим таким образом скрытые резервы для присвоения. Последний под видом члена сельхозартели вывозил уворованный хлеб в соседние села для обмолота и реализации, где был опознан бдительными гражданами[4].

Под постоянным контролем руководящих органов находились стратегические предприятия. Суровый климат края и развитая индустрия требовали большого объема тепла и электроэнергии. Получали их, сжигая уголь на ГРЭС. Но спрос на «черное золото» предъявлял и частный жилой сектор, каковой в 1940-е гг. даже в крупных городах занимал целые районы. Возник нелегальный рынок топлива и это вызывало обеспокоенность властей. Бюро обкома в ноябре 1942 г. инициировало проверку вагонных поставок, которые осуществляли местные шахты промышленным энергопотребителям, и вскрыло огромную разницу между количеством отпущенного сырья и теми цифрами, что фигурировали в накладных. Только за 10, 5 месяцев текущего года недостача превысила 70000 т. Было заявлено, что это граничит с «антигосударственной практикой» со стороны треста «Углесбыт» и Южно-уральской железной дороги. Их обязали срочно наладить весовое хозяйство и проводить двойное взвешивание - при отправке и получении груза. Начальников не тронули, но пригрозили партийной и уголовной ответственностью в случае непринятия мер[5].

К концу 1943 – началу 1944 г. накопилась критическая масса сигналов о неудовлетворительном положении в системе изготовления, хранения и выдачи населению продовольственных карточек. За неполных четыре месяца данный вопрос рассматривался на бюро ОК дважды.

---

[1] ОГАЧО. Ф.288. Оп.6. Д.41. Л.10,11.

[2] ОГАЧО. Ф.288. Оп.6. Д.41.Л.3,36,38.

[3] ОГАЧО. Ф.288. Оп.6. Д.74.Л.16,17. Эффект от подобных рассылок был весьма ощутимым. К этому методу прибегали, когда возникала необходимость активизировать партийно-советский актив на местах. Например, в апреле 1945 г. таким образом инициировали проведение серии внеплановых ревизий в торговых и снабженческо-сбытовых организациях Аргаяшского района, в ходе которых многие «не внушающие доверия» материально-ответственные лица лишились своих постов и получили конкретные тюремные сроки, тогда как ранее их приговаривали «условно» или к исправительным работам. ОГАЧО. Ф.288. Оп.9. Д.124. Л.27.

[4] ОГАЧО. Ф.288. Оп.6. Д.77. Л.16.

[5] ОГАЧО. Ф.288. Оп.6. Д.74. Л.32.

И оба раза фиксировались многочисленные нарушения установленного порядка. Так, в Чебаркульском и Троицком районах персонал контрольно-учетного и карточного бюро в количестве 12 человек располагался в одной небольшой комнате, где принимали и посетителей. Милицейского поста у входа не было. Железные шкафы для хранения фондовых ордеров тоже отсутствовали. «Кормовые бумаги» лежали в открытом доступе на полках, а забракованные, но годные к отовариванию экземпляры, проверяющие нашли в мусорных корзинах.

В ряде типографий готовая продукция вместе с клише сваливалась прямо на столы учетчиков и любой человек, оказавшийся рядом, мог это незаметно взять. Вскоре обнаружилось хищение шрифта группой мошенников, которые фабриковали поддельные карточки и получали по ним тонны хлеба. В результате расследования «инцидента» все КУБы и распределительные точки были взяты под охрану, бланки талонов для надежности сделали разноцветными, их печатание в новом формате и последующую рассылку сосредоточили в специализированном подразделении НКВД[1].

В анналах челябинского обкома партии отложился эпизод о разбазаривании оборудования на Карталинском машиноремонтном заводе. В мае 1944 г. туда по разнарядке доставили 79 станков с тем, чтобы после технической экспертизы и наладки агрегатов отправить их на сельские рембазы. Но директор предприятия Глазунов не организовал разгрузку и приемку. Дорогостоящие механизмы были попросту сброшены с платформ в близлежащую канаву, разукомплектованы и растащены. Областному прокурору Шляеву поступила команда привлечь виновных по ст. 111 УК РСФСР («небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям»), которая предусматривала санкцию в виде тюремного заключения до 3-х лет[2].

В октябре 1944 г. бюро ОК озаботилось ростом крупных хищений на Южно-уральской железной дороге: за 8 месяцев было зарегистрировано 400 случаев. Воров привлекали подвижные составы с открытыми вагонами, перевозившими соль, топливо, стройматериалы. Удалось выяснить, что 2/3 всех краж совершались самими сотрудниками – членами паровозных бригад, обходчиками, смотрителями, из них каждый десятый состоял в партии или комсомоле. Среди причин правонарушений назывались: умышленная утеря сопроводительных документов и появление бесхозных грузов, отсутствие пломб на запорах и плохая охрана путей, длительное пребывание транзитных эшелонов в неосвещенных тупиках. Военному трибуналу[3] предписывалось усилить патрулирование прилегающих к вокзалам территорий, чаще привлекать к ответственности начальников станций, проводить показательные публичные процессы над пойманными расхитителями[4].

В июне 1943 г., во исполнение секретного постановления ГКО «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» от 22 января 1943 г. бюро обкома собралось на очередное закрытое совещание. Надо было проанализировать работу столовых Кировского завода, в адрес которых поступало много нареканий по поводу безучетного и произвольного расхода продуктов на кухне и обвешивания потребителей на раздаче. Профсоюзному комитету оборонного предприятия рекомендовали наладить повседневный контроль за пунктами питания и об итогах рейдов ставить в известность партийную организацию[5].

В конце войны участились факты необоснованного уголовного преследования лиц, подозреваемых в совершении краж с производства. Более 15 % возбужденных дел прекращалось

[1] ОГАЧО. Ф.288. Оп.8. Д.7. Л.7,8.
[2] ОГАЧО. Ф.288. Оп.8. Д.67. Л.12.
[3] Железные дороги и обслуживающий персонал с 15 апреля 1943 г. находились на военном положении (прим. авт.).
[4] ОГАЧО. Ф.288. Оп.8. Д.75. Л.25–27.
[5] ОГАЧО. Ф.288. Оп.42. Д.23. Л.416.

судами за недостаточностью улик и отсутствием состава преступления. Десятки людей, зачастую добросовестных работников, неоправданно содержались под стражей от 10 дней до 7 месяцев. Такую информацию нельзя было обнародовать, так как она могла уронить авторитет компетентных органов. Бюро ОК сделало вывод о том, что работники милиции не занимались повышением своей квалификации, а прокуроры слабо осуществляли надзорные функции. От них потребовали о каждом незаконном аресте незамедлительно предоставлять подробное объяснение и применять к нерадивым ревнителям порядка меры строгой дисциплинарной или судебной ответственности[1].

Солидный массив документов, которые непосредственно относятся к исследуемой теме, накоплен в отделе кадров обкома ВКП(б). В частности, обращает на себя внимание докладная записка прокурора Челябинской области Н. Шляева секретарю ОК В. В. Кузьмину от 10 июня 1943 г. «О ликвидации случаев разбазаривания и хищения продовольственных и промышленных товаров в системе потребительской кооперации»[2]. В ней констатировано, что южноуральские кооператоры не выполнили распоряжение Центросоюза об укомплектовании контрольно-ревизионного аппарата и очищении торговой сети от лиц, имевших судимость. В ответ региональный штаб коммунистов предложил надзорному ведомству провести собственную проверку магазинов, расположенных в сельской местности.

Полезным источником является донесение управления НКВД руководству области о политико-моральном состоянии, дисциплине и партийно-политической работе в органах милиции[3], в котором приведены результаты оперативно-следственных мероприятий за май 1943 г. Здесь присутствуют конкретные данные о раскрытых кражах государственного имущества, привлеченных к уголовной ответственности лиц, а также возвращенных в казну ценностях. Перечислены примеры как самоотверженной службы, так и случаи взяточничества со стороны сотрудников ОБХСС.

В похожем ключе выполнены итоговые обзоры о деятельности милицейских органов за 1943-1944 гг. Их подготовил заместитель начальника УНКВД по Челябинской области полковник Розов[4]. В ходе ознакомления с этими документами можно узнать об уровне укомплектованности личного состава, величине партийно-комсомольской прослойки, стаже работы большинства милиционеров. Анализируются наиболее распространенные виды, масштабы и причины экономических преступлений, среди которых воровство на производстве и транспорте, спекулятивная торговля, манипуляции с продуктовыми карточками и талонами. В особые разделы выделены противозаконные действия в системе промысловой и потребительской кооперации, в колхозах и совхозах, пищевой промышленности, в военных госпиталях, на почте и в сберкассах. Специфика представленных свидетельств заключается в том, что впервые за военные годы на местах была поставлена задача не только своевременного раскрытия, но и профилактики хозяйственной правонарушений, для чего предлагалось активно привлекать общественные группы поддержания правопорядка из числа добровольных помощников. Ставилась цель прекратить обвешивание и обмеривание потребителей через обеспечение правильной эксплуатации весоизмерительных приборов. Появился новый сюжет о «перегибах сверхбдительности», когда подозреваемые в махинациях на поверку оказывались невиновными, однако проводили достаточно много времени в камере предварительного заключения.

Вместе с тем, по-прежнему считалось, что основное предназначение советской юстиции выражается не столько в восстановлении справедливости, сколько в карательно-устрашающем воздействии на сознание граждан. Эта позиция отражена в отчете «О результатах проверки уголовных дел, по которым народными судами области вынесены оправдательные приговоры»,

[1] ОГАЧО. Ф.288. Оп.42. Д.25. Л.113,114.
[2] ОГАЧО. Ф.288. Оп.7. Д.100. Л.35.
[3] ОГАЧО. Ф.288. Оп.7. Д.226. Л.42–64.
[4] ОГАЧО. Ф.288. Оп.7. Д.227,228.

подготовленном заведующим сектором обкома ВКП(б) Палиенко для первого секретаря Н. С. Патоличева 28 сентября 1944 г. Так, оправдание молодого инвалида войны – охранника на хлебозаводе, по недосмотру выпустившего с территории предприятия двух жуликов со спрятанными в одежде буханками, вызвало резко негативную реакцию партийного чиновника[1].

Относительно недавно в региональных архивах стали доступны «особые папки». В них встречаются вопросы, имевшие острую социальную и экономическую направленность. Так, 3 октября 1942 г. разбиралось персональное дело директора завода № 541 Алешина, уличенного в обмане государства. В ежедневной отчетности он показывал не реальную выработку, а цифру, установленную ведомственным графиком, и тем самым скрывал простои, вызванные неквалифицированным управлением. Автоматизацию и механизацию труда не внедрял, попустительствовал жуликам и проходимцам, которые занимались самоснабжением. Поскольку должность находилась в номенклатуре ЦК ВКП(б), областной штаб коммунистов обратился в Москву с просьбой снять проштрафившегося руководителя[2].

Доставалось по заслугам и некоторым горе-предпринимателям из числа потерявших совесть (и осторожность!) начальников. Например, некие Демин С. В. и Блинов П. Г., вступив в партию в 1943 г., решили, что обрели иммунитет против наказания. Первый возглавлял ОРС «Челябместуголь» и промышлял скупкой и отовариванием карточек на родном предприятии. Полученные продукты продавал на рынке, выручку клал в карман. Второй, директор Мухаметкулуевской МТС, придумал довольно сложную схему обогащения. Находясь в командировке в Челябинске, украл вместе с кладовщиком 80 кг проволоки, которую оформил как якобы купленную за 1000 руб. Часть средств употребил на взятку работнику сельхозснаба, за что получил от него запчасти на 9000 руб. и другие дефицитные изделия сверх тех, что были указаны в официальном требовании. Разницу в цене покрыл фиктивным актом купли-продажи, а «сэкономленные» таким образом деньги направил на приобретение и обмолот 6 т зерна в ряде подсобных хозяйств Аргаяшского района. Им покупалось и другое продовольствие. По бумагам все это проходило как децентрализованные заготовки для столовой МТС, но на самом деле утаивалось и присваивалось. Обоих махинаторов за злоупотребление должностными полномочиями исключили из членов ВКП(б), уволили с работы и предали суду[3].

Глубокую и объективную оценку деятельности органов юстиции по рассмотрению дел о преступлениях, предусмотренных постановлением ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» осуществил ревизор НКЮ СССР Злобин И. П. в связи с проверкой народных судов Челябинской области, которую он провел с 11 по 28 февраля 1945 г. по поручению союзного наркомата. Копия его отчета на имя главы ведомства Н. М. Рычкова поступила в так называемую «Первую часть» особого сектора обкома партии 15 марта 1945 г.[4]

Проверяющий сообщал, что в 1944 г. в столице Южного Урала состоялись 6 совещаний народных судей с участием представителей прокуратуры, заведующих торговыми отделами райисполкомов и председателей районных союзов потребительской кооперации, где изучалась судебная практика по данной категории уголовных дел (их количество за год возросло, в среднем, более чем на треть). Показана статистика осужденных за II-IV кварталы: всего 2718 человек, из них 68,6% приговорены к различным срокам лишения свободы, 23% – к исправительным работам, 7,7% условно. Приведены впечатляющие цифры ущерба, нанесенного ворами и мошенниками, которые украли у государства свыше 600 т продовольствия, 9223 декалитра водки, десятки тысяч метров тканей, почти 2 тыс. пар обуви. При этом был сделан вывод о том, что инспекционные мероприятия серьезно обесцениваются из-за фактической безнаказанности

[1] ОГАЧО. Ф.288. Оп.8. Д.228. Л.21.
[2] ОГАЧО. Ф.288. Оп.42. Д.22. Л.97.
[3] ОГАЧО. Ф.288. Оп.8. Д.67. Л.12–14.
[4] ОГАЧО. Ф.288. Оп.9. Д.201. Л.18.

многих подозреваемых по причине волокиты при возбуждении уголовных дел и в ходе предварительного следствия. Зачастую те, кто «разбазаривал народное добро» освобождались с совершенно неуместными формулировками: «потеря актуальности», «отсутствие злого умысла», «выполнение распоряжений вышестоящих структур» и проч. Происходило это от того, что порой сами следователи становились соучастниками незаконных операций с товарноматериальными ценностями и во избежание огласки всячески выгораживали своих «протеже».

Некоторое представление об эффективности работы челябинской милиции и прокуратуры по пресечению экономических преступлений можно составить, проанализировав сведения о том, кем было возбуждено конкретное дело. Так, по инициативе правоохранителей расследовалась почти половина указанных деликтов, остальные инициировались руководителями торговых организаций и промышленных предприятий, ревизорами, карточными бюро.

И. П. Злобин подчеркивал, что работники ОБХСС подчас забывают установить точный размер похищенного, пренебрегают наложением ареста на имущество обвиняемых, не составляют его опись, что затрудняет компенсацию причиненного вреда. Нарекание вызывало недостаточное участие прокуроров в подготовительных заседаниях суда и уголовных процессах (около половины подобных мероприятий проходило без стороны обвинения) и отсутствие протестов на слишком мягкие приговоры. Напротив, почти все обжалованные ответчиками или их адвокатами суровые вердикты обычно отменялись. Неудовлетворительно также было поставлено исполнение судебных решений, поскольку взыскивалось лишь 17% от присвоенных сумм.

С этим документом перекликается записка ревизионной бригады обкома ВКП(б), состоявшей из юриста местного управления НКЮ Морозовой и прокурора уголовно-судебного отдела челябинской городской прокуратуры Карпова[1]. Эти специалисты проверяли деятельность народных судов Кировского района за период с 1 октября 1944 г. по 1 апреля 1945 г. Представленные секретарю ОК по кадрам С. Ф. Князеву итоговые материалы свидетельствуют, что помещения, где происходило судопроизводство, как правило, находились в запущенном состоянии, не отапливались и нуждались в ремонте. Мало кто из судей мог похвастаться профильным образованием. В массе своей стражи закона имели за плечами семилетку и трехмесячные заочные юридические курсы, а судебные исполнители, секретари и делопроизводители – лишь начальную школу. Вновь поднимался вопрос о малых сроках наказания для спекулянтов или их полном оправдании, основанием чему служила инвалидность, наличие иждивенцев в семье, работа на оборонном заводе, преклонный возраст или, напротив, малолетство.

Если действия областного штаба большевиков касались, в первую очередь, общего улучшения криминогенной обстановки в регионе, то горкомы (ГК), в зоне ответственности которых находились вопросы городского хозяйства и быта населения, в большей степени оказывались вовлеченными в повседневность. Сравнительная легкость поиска необходимой информации, знание местных условий, обратная связь через прессу и обращения граждан побуждали их глубже вникать в проблемы, порождающие экономическую преступность. Последние были, что называется, на виду, и это «провоцировало» периодические попытки вмешаться в ситуацию, независимо от политической конъюнктуры, наличия или отсутствия указаний вышестоящих инстанций. Количество собранных материалов время от времени перерастало в качество, и тогда тема выносилась на бюро, или для ее обсуждения созывался пленум.

На одном из них 29-30 декабря 1941 г. коммунисты Челябинска обсуждали причины роста цен на рынках в 2-4 раза и пришли к выводу, что виноваты администраторы торговых рядов и участковые уполномоченные РОВД, которые самоустранились от борьбы с перекупщиками и спекулянтами. Свою роль сыграли также затруднения с подвозом продуктов, поскольку колхозы все имевшиеся в наличии транспортные средства переключили на хлебозаго-

[1] ОГАЧО. Ф.288. Оп.9. Д.201. Л.32-34.

товки, а торги и промышленные предприятия, сосредоточившись на организации закрытого распределения, выделять свой автопарк для обслуживания базаров не захотели[1].

Чаще всего факты нарушения установленного порядка снабжения и обслуживания граждан встречаются в докладных записках инструкторов горкома, составленных для заведующих отраслевыми отделами и секретарей ГК ВКП(б) по итогам контрольных мероприятий. В частности, в одной из них, датированной 8 июля 1942 г., говорится об упущениях в кадровой политике челябинского треста столовых, допускавшего прием на материально ответственные должности случайных людей, которые и занимались хищением продуктов[2]. Другой документ повествует о том, как некоторые промысловые артели города скрывали от заказчиков утвержденный прейскурант и при расчете с ними многократно завышали цены[3]. Удобным инструментом обогащения порой становились талоны на право индивидуальной торговли на рынке. Их предлагали по цене, в несколько раз превышавшей номинал, но чтобы иметь возможность легально реализовать свою продукцию за наличные деньги, крестьяне или кооператоры соглашались переплачивать[4].

Периодически отчитывались перед горкомами партии контрольно-учетные бюро (КУБы), в компетенцию которых входило расходование нормированных продуктов. В 1943 г. челябинское городское КУБ провело 915 проверок пунктов выдачи и отоваривания карточек. Вскрылись хищения более 120 т хлеба, круп, макарон, мяса и рыбы. Судебно-следственные органы возбудили 440 дел[5].

В поле зрения ГК ВКП(б) находились также отделы рабочего снабжения (ОРСы) оборонных заводов. Для мониторинга ведомственных столовых и магазинов создавались специальные бригады численностью до 5-ти человек. Привлекались работники райкомов, райисполкомов, профсоюзные активисты. После каждого рейда созывалось общее собрание с непременным участием местных партийных функционеров. Все выступления тщательно фиксировались. Они содержали много любопытных деталей, проливающих свет на способы обмана трудящихся. Например, якобы за неимением мелкой разменной монеты сдача выдавалась заполненными от руки расписками «достоинством» 20, 30 или 40 коп. Эти бумажки быстро приходили в негодность, терялись, а деньги оставались у недобросовестных продавцов. Существенный «навар» (до 10% от выхода) получался и за счет уменьшения порций при раздаче пищи. Даже водку в запечатанных бутылках умудрялись разбавлять водой. Пойманные с поличным мошенники заявляли, что себе почти ничего не берут, а излишки идут на взятки сотрудникам баз для беспрепятственного получения товаров по разнарядке[6]. Предложения по преодолению обнаруженных недостатков направлялись в адрес руководства предприятий, первичных партийных организаций, директоров подсобных хозяйств. К слову, анализ материалов магнитогорской городской парторганизации позволяет сделать вывод о широком распространении на Южном Урале как вышеописанных асоциальных практик, так и методов противодействия им[7].

Основания для неоднозначной трактовки некоторых сторон жизни в тылу дает фонд Комиссии партийного контроля по Челябинской области[8]. Именно сюда поступали жалобы на злоупотребления начальников. Иногда сигналы были настолько шокирующими, что станови-

[1] ОГАЧО. Ф.92. Оп.5. Д.4. Л.131,132.
[2] ОГАЧО. Ф.92. Оп.5. Д.92. Л.14-16.
[3] ОГАЧО. Ф.92. Оп.5. Д.335. Л.3-9.
[4] ОГАЧО. Ф.92. Оп.5. Д.263. Л.56, 57.
[5] ОГАЧО. Ф.92. Оп.5. Д.263. Л.74.
[6] ОГАЧО. Ф.92. Оп.5. Д.224. Л.29-30; Д.263. Л.13.
[7] См.: ОГАЧО. Ф.234. Оп.16. Д.74. Л.74,75; Оп.17. Д.1. Л.1, 2; Оп.18. Д.8. Л.63; Д.14. Л.5; Оп.19. Д.86. Л.2,5,10,12,73; Д.95. Л.106.
[8] См.: ОГАЧО. Ф.297. Оп.2. Д.817,896,918.

лись поводом для специального разбирательства[1]. В частности, в декабре 1942 г. заместитель уполномоченного КПК Бышов уведомил областное руководство о приписках при обмолоте хлеба в Каракульском районе, санкционированных секретарем РК Суровым и председателем райисполкома Осиповым. Поля убирались простыми машинами и вручную, а в сводках фигурировали комбайны. В итоге 48,5 т. горючего было «сэкономлено» и разбазарено. Ставился вопрос о возбуждении уголовного дела. Однако состоявшееся 20 февраля 1943 г. бюро ОК постановило реабилитировать обоих, посчитав, что налицо клеветнические измышления представителей силовых структур. Партийные товарищи получили лишь выговор «за допущенные недостатки»[2].

В марте 1942 г. уже новый глава КПК по региону Алферов докладывал областному штабу коммунистов и в Москву о хищениях зерна в Звериноголовском районе под видом сдачи его на хранение членам правления колхозов. При проведении ревизии оказалось, что из 300 ц, не поместившихся в колхозные амбары, «сохранилось» только 10%. Сотни и тысячи килограммов пшеницы за бесценок приобретались инструктором райкома, заместителем уполномоченного по заготовкам, помощником прокурора, директором МТС и др.[3]

В рапорте капитана милиции Мельникова на имя уполномоченного КПК Бакина раскрыты обстоятельства задержания в августе 1943 г. заведующей карточным бюро Миньярского района Малофеевой. Она подозревалась в организации преступной группы из 6-ти человек, которая не уничтожала уже использованные карточки, как это требовалось по регламенту, а вновь пускала их в оборот в своекорыстных целях. Кроме того, во время патрулирования и облав систематически выявлялись лица с поддельными справками и удостоверениями, дававшими освобождение от призыва в армию. Печатались они в подпольных кустарных типографиях при помощи украденного шрифта и сфабрикованных умельцами печатей и штампов. Время от времени обнаруживались факты наличия в бухгалтериях предприятий заполненных фиктивных ведомостей на получение заработной платы. Нетрудно догадаться, кто в этой схеме был «выгодоприобретателем»[4].

Порой в адрес комиссии поступали анонимные обращения с подробным описанием творившихся безобразий. В одном из них рассказывалось о крупном хищении на Златоустовском часовом заводе. Директор В. И. Синицкий, его заместитель Гершензон, начальник цеха Рапопорт присвоили и распродали свыше 3 тыс. хронометров. Взятки столичным покровителям, которые специально занижали производственный план и беспрепятственно списывали брак по заказам наркомата обороны, посылали правительственной почтой[5]. Нюанс заключался в том, что руководителями режимных и номерных объектов, которые фигурировали в донесениях, были как правило, члены партии, и чтобы привлечь их к ответственности, требовалось распоряжение соответствующих инстанций. Последние же берегли свои кадры и предпочитали избегать крайних мер. Однако если масштаб нарушений оказывался неприемлемым, санкций мошенникам избежать не удавалось. Например, управляющий фабрикой «Смычка» облглегпрома Козлов, похитивший в 1944 г. 110 тыс. руб. казенных средств и 800 кг шерсти, был исключен из ВКП(б) и предан суду, несмотря на то, что имел на иждивении двоих детей и получил ранение на фронте[6].

В анналах фонда есть красноречивые данные о том, как выживали простые люди, чей статус не позволял пользоваться преференциями. Так, в январе 1945 г. исполняющий обязанно-

[1]Об одном из таких резонансных эпизодов рассказано ниже, в разделе «Антропологические характеристики лиц, совершавших хищения государственного имущества» (прим. авт.).
[2] ОГАЧО. Ф.297. Оп.2. Д.672. Л.77.
[3] ОГАЧО. Ф.297. Оп.2. Д.672. Л.13,14.
[4] ОГАЧО. Ф.297. Оп.2. Д.896. Л.22.
[5] ОГАЧО. Ф.297. Оп.2. Д.891. Л.4.
[6] ОГАЧО. Ф.297. Оп.2.Д.914. Л.96-100.

сти уполномоченного КПК по Челябинской области Евдокимов оповестил первого секретаря обкома Н. С. Патоличева и председателя КПК при ЦК ВКП(б) А. А. Андреева о пренебрежительном отношении местных властей Златоуста, Магнитогорска, Копейска и Троицка к нуждам инвалидов Отечественной войны. Демобилизованных по здоровью не привлекали к труду, не обучали новым профессиям. В поисках источников существования они вынуждены были заниматься спекуляцией, за что их лишали пенсии. Предлагалось мотивировать бывших воинов к трудоустройству и выделять тем, кто работает, дополнительные фонды нормируемых товаров[1].

В феврале того же года Комиссия партийного контроля обследовала бытовые условия на златоустовском заводе № 66, принадлежащем Наркомату вооружений. Выяснилось, что из 12 тыс. рабочих треть проживала в неблагоустроенных жилищах, 560 – в землянках, 2366 – в общежитиях с двухъярусными нарами. Зачастую в одной комнате ютилось несколько семей. У некоторых отсутствовало постельное и нательное белье, за хлебом выстраивались длинные очереди[2]. Очевидно, что подобные обстоятельства подталкивали к поиску самых разнообразных способов добывания благ, включая неконвенциональные.

Самым насыщенным и информативным по теме исследования является фонд 1041 Управления наркомата юстиции РСФСР (НКЮ) по Челябинской области, осуществлявшего руководство, контроль и координацию деятельности региональных судов, адвокатур и нотариальных контор. Его содержание представляет особую ценность еще и потому, что здесь зафиксированы некоторые документы прокуратуры и НКВД, сосредоточенные в ведомственных хранилищах и до сих пор закрытые для широкого доступа. Так, ознакомление с одним из обращений облпрокурора Ефимова, составленным 6 января 1942 г. в адрес Генерального надзорного ведомства, позволяет говорить о том, что главные усилия правоохранителей в первые месяцы войны были направлены на борьбу со спекуляцией и товарообменом, резко обесценившим советский рубль. Непонятно было, как квалифицировать перепродажу в малых размерах, например, нескольких столовых ложек табака или сахара. Предлагалось поставить вопрос в Правительстве республики об установлении «твердых» рыночных цен[3]. В докладе, подготовленном к совещанию южно-уральских силовиков, которое состоялось 21 октября 1941 г., описаны конспиративные ухищрения профессиональных перекупщиков продовольствия, позволявшие им избегать наказания, а также приведены распространенные схемы быстрого обогащения предприимчивых дельцов[4].

Но основной массив интересных сведений заключен в служебной переписке чиновников от юстиции. В частности, 4 июля 1942 г. заместитель начальника управления НКЮ Миняйло в письме к секретарю Челябинского обкома Н. С. Патоличеву и уполномоченному местной КПК Анферову раскрыл обстоятельства существования в одном из районов области преступной группы, состоящей из председателя райпотребсоюза, секретаря райкома и начальника милиции. Эти люди систематически присваивали товары и продукты, предназначенные эвакуированным. Когда райсудья Хобетнев попытался разобраться в происходящем, ему «за попытку рассмотреть дело» объявили выговор по партийной линии[5]. В другом письме от 1 декабря 1942 г. этот же адресант ставил в известность Нязепетровский РК ВКП(б) о том, что в народных судах района скопилось большое количество неисполненных решений о конфискации имущества

[1] ОГАЧО. Ф.297. Оп.2. Д.819. Л.7-9. К слову, неблагополучное бытовое положение бывших военнослужащих, получивших увечье на фронте, отмечалось и председателем Челябинского областного суда М. Кучеренко. За I полугодие 1945 г. в отношении них судебной коллегией было рассмотрено 203 дела. В материалах фигурировали главным образом, растраты, кражи и мошенничество. ОГАЧО. Ф.916. Оп.22. Д.22. Л.68.
[2] ОГАЧО. Ф.297. Оп.2. Д.819. Л.36, 39.
[3] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.3. Л.5-12.
[4] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.2. Л.176-178.
[5] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.68. Л.23

осужденных за кражу у государства и связал такое положение с частой мобилизацией судебных исполнителей на уборку урожая, лесозаготовки, погрузочно-разгрузочные работы[1].

Спецдонесение главы управления НКЮ Лавренкова наркому юстиции СССР Н. М. Рычкову, датированное 11 декабря 1941 г., посвящено анализу работы судов Челябинской области за период с начала войны по отдельным категориям хозяйственных правонарушений. Из него следует, что ощутимо увеличились растраты и хищения, в первую очередь в колхозах и машинно-тракторных станциях, а также уклонение от выполнения повинностей, уплаты налогов и обязательных поставок государству. Сложнее стало противодействовать спекулянтам, ушедшим «в тень». В качестве единственно возможного способа наведения порядка называлась организация агентурно-разведывательных мероприятий. Упомянуты юридические коллизии, обусловленные конфликтом между нормами мирного и военного времени. Например, 24 сентября 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издал постановление о привлечении к ответственности по статье 59-6 УК, предусматривавшей лишение свободы на срок не ниже 1 года с полной или частичной конфискацией имущества злостных элементов, которые не выходят на уборку урожая. А спустя месяц, 22 октября Прокуратура РСФСР разъяснила, что колхозники подлежатне уголовному, а административному наказанию за нарушение устава сельхозартели. И арест саботажников возможен только в том случае, если общее собрание проголосует за их исключение из колхоза[2].

Вообще же, вызванный войной дефицит продовольствия спровоцировал усиление криминогенной обстановки на селе, особенно во время страды. Ревизор управления НКЮ Голубцева констатировала, что за второе полугодие 1941 г. в области по статье 109 (злоупотребление служебным положением) было осуждено 203 человека из числа сельхозактива. За решеткой оказались председатели колхозов и сельсоветов, директора МТС, бригадиры и кладовщики. Им вменялся в вину перерасход зерна на внутрихозяйственные нужды до выполнения плана обязательных хлебопоставок[3] и срыв заготовок кормов, приведший к всплеску заболеваемости и падежу скота. Упоминались такие приговоры, которые иначе как самодурством не назовешь: одного председателя сельхозартели посадили за то, что он сеял ручным способом, другой поплатился за отказ убирать еще несозревший хлеб, третий не позволил запрягать в плуг молочных коров для производства пахоты[4].

Ревизионная служба систематически проверяла судебные участки и если находила, что в вынесенных вердиктах имеется какое-либо отступление от действующего законодательства, текущих правительственных или ведомственных директив, то стразу информировала об этом руководство управления. Последнее издавало циркуляры с перечнем упущений и направляло их на места для исправления положения. Один из них касался «либеральной карательной политики» нарсудьи из Златоуста Турьянской, которая оправдала мелких воришек, укравших несколько комплектов постельного белья и 3 противогаза, и тогда как их следовало приговорить

[1] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.68. Л.3.
[2] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.2. Л.190-201.
[3] Недоимки были проблемой не только в обобществленном секторе. Натуральным налогом облагались и подсобные хозяйства колхозников, которые тоже по разным причинам задерживали отчисления в казну. На совещании при начальнике Управления НКЮ по Челябинской области от 14 июня 1943 г. нарсудья Красноармейского района Геделин поделился опытом взыскания этой задолженности. По его словам, на своевременность расчетов домохозяйств с государством повлияла угроза включить в опись арестованного имущества корову, хотя ее изымать запрещалось. Но селяне законов не знали и, боясь потерять «кормилицу», покорно вносили подати. Объективности ради стоит отметить, что, несмотря на достаточно суровое постановление СНК СССР от 24 ноября 1942 г. «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельхозпродуктов военное время», количество судебных разбирательств в отношении должников было минимальным. ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.71. Л.109; Оп.5. Д.4. Л.39.
[4] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.3. Л.38,39; Оп.2. Д.30. Л.43.

к 1 году тюрьмы[1]. Другой описывал ошибку ее коллеги из Челябинска Макаровой, не сумевшей распознать матерого расхитителя в эвакуированном Генине, который вывез из осажденного Ленинграда вагон специальных изделий и продал их на базаре[2].

На особом контроле находились уголовные дела с участием несовершеннолетних. Только за первый год войны статистика по ним выросла втрое. Подростки 12-17 лет (1292 человека), как правило, сироты и неблагополучные в социальном отношении, похищали вещи не только у граждан, но и с общественных складов, вагонов и хранилищ, с госпредприятий, что квалифицировалось уже как опасное деяние, за которое предусматривалось лишение свободы на срок до 5 лет[3]. В июне 1943 г. вышел приказ НКЮ СССР № 50 «Об усилении борьбы с хулиганством и преступностью несовершеннолетних», но ион кардинально ситуацию не улучшил. Более того, к указанному времени в преступный промысел оказались вовлечены юноши и девушки, у которых имелась семья и родители. Специалисты сделали вывод, что сыграли свою роль такие факторы как безнадзорность (65,9%), ненадлежащие производственно-бытовые условия на работе и в общежитиях (29,7%), подстрекательство со стороны взрослых (4,4%)[4].

К ведению регионального управления НКЮ относилась коллегия адвокатов. В немногих сохранившихся документах зафиксированы сведения о количестве, уровне образования и партийности защитников, а также резонансных конфликтах между ними, районными прокурорами и представителями местной власти по поводу того или иного вердикта, связанного со злоупотреблениями. По отдельным донесениям столичному начальству можно составить мнение о кадровой чехарде в руководстве коллегией, когда недавно назначенные люди отзывались Наркоматом юстиции на другие должности без учета возможности их замены. В результате адвокаты оказывались вне государственного контроля и зачастую обманывали своих клиентов[5].

Ценную информацию для размышления предоставляют стенограммы оперативных совещаний прокурорско-судебных работников. На Южном Урале они стали созываться в 1943 г. Так, при обсуждении реализации постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», было констатировано, что облсуд оставлял в силе только 57% соответствующих приговоров, направленных на кассацию[6]. Это говорило о допущенном браке в процедуре судопроизводства. Среди причин назывались: формальное участие прокуроров или их помощников в подготовительных заседаниях, отчего не анализировались должным образом все обстоятельства дела; отсутствие обобщений судебной практики, методических указаний и распоряжений для периферийных подразделений; произвол следственных органов и игнорирование индивидуальных характеристик подсудимых[7]. Еще одно препятствие к соблюдению законности озвучил в январе 1944 г. начальник управления НКЮ по Челябинской области Токарев в докладной записке наркому юстиции РСФСР И. А. Басавину. Оказалось, что суды были лишены возможности своевременно рассматривать дела из-за не этапирования арестованных из камер предварительного заключения. Нехватка конвойных бригад приводила к тому, что время содержания под стражей истекало и обвиняемого по предписанию прокурора, осуществлявшего надзор за тюрьмами, попросту освобождали[8].

В дальнейшем ход выполнения постановления ГКО от 22 января 1943 г. обязательно освещался в итоговых сводках, предназначенных для правительственных органов. Данные с ни-

[1] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.68. Л.48.
[2] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.71. Л.4.
[3] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.4. Л.23.
[4] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.7. Л.87-90.
[5] ОГАЧО. Ф. 1041. Оп.5. Д. 4. Л.1-2.
[6] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.71. Л.118.
[7] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.71. Л.76-98.
[8] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.5. Л.107.

зовых судебных участков обобщались в областном суде и направлялись далее по инстанциям. Помимо сведений о количестве преступлений, их составе, избранных мерах пресечения фиксировались типичные недостатки судопроизводства. В частности, на процессах не учитывался групповой и организованный характер хищений, что влекло за собой более мягкие санкции. Также не определялась сумма ущерба, которая должна была рассчитываться в виде эквивалента понесенных потерь в пятикратном размере по коммерческим ценам и взиматься с виновного в гражданском порядке, т.е. независимо от исхода уголовного дела. Без этой цифры служителям Фемиды рекомендовалось дела к слушанию впредь не принимать[1].

В рапорте от 1 марта 1944 г. вышестоящему начальству руководство областным управлением НКЮ выразило обеспокоенность прекращением борьбы со спекуляцией, тогда как по его наблюдениям каждый пятый товар, предназначенный для перепродажи, приобретался путем злоупотребления служебным положением. Главный юрист области изучил социальный состав лиц, задержанных по этой статье во втором полугодии 1943 г. и получил следующие цифры: 38,2% – рабочие; 15,4% – служащие; 12,7% – иждивенцы (малолетние и домохозяйки); 4,5% – пенсионеры; 29,7% – прочие, среди которых 11,8% – члены семей военнослужащих; 5,5% – инвалиды Отечественной войны. Подобный расклад во многом объяснял то обстоятельство, что областной суд оставлял в силе только треть приговоров, вынесенных судами первой инстанции. Остальные переквалифицировались на более щадящие (условный срок, исправительные работы, вычеты из зарплаты), отменялись со стадии предварительного или судебного рассмотрения, либо прекращались совсем. «Излишне мягким» признавался один вердикт из семидесяти[2].

Тыловая повседневность изобиловала бытовыми тяготами и лишениями. И чтобы хоть как-то с ними совладать, люди решались на мелкие кражи с производства. Тайком через проходную выносили все, что имело какую-либо ценность. Например, наждачное полотно размачивали в воде и обматывали вокруг тела под одеждой. Его сбывали на базаре кустарям. Машинное масло прятали, помещая в бидоны с двойным дном. Оно годилось для употребления в пищу. Пригождались даже куски алюминия, которые расплавляли в самодельных горнах и изготавливали из них столовые приборы и чашки. Урон, причиняемый «несунами», был весьма ощутимым, и власти требовали от управления наркомюста, милиции и прокуратуры разобраться с ними. Сводки о принятых мерах позволяют судить о масштабах явления. В первом полугодии 1943 г. компетентные органы возбудили по данной статье 2248 дел, наказание понесли 2143 человека. Среди нарушителей – почти половина подростки и рабочие до 40 лет. Характерно, однако, что до суда доходила лишь пятая часть всех зафиксированных случаев, в подавляющем большинстве заводская администрация ограничивалась дисциплинарным взысканием[3]. В 1944 г. произошел сдвиг к лучшему: с апреля по сентябрь было окончено 1117 дел, в места лишения свободы на 1 год отправились 242 фигуранта. К исправительно-трудовым работам приговорили 75 человек, а еще 70 – получили условный срок[4]. По-видимому, достижение коренного перелома в войне позволило стабилизировать уровень жизни населения и тем самым снизить девиантность.

Наблюдалось и постепенное уменьшение количества деликтов, связанных с разбазариванием и расхищением продовольственных и промышленных товаров. Эта тенденция отражена в докладах начальника управления НКЮ по Челябинской области Токарева наркому юстиции СССР Н. М. Рычкову, подготовленных в январе и июле 1945 г. Если в первой половине 1944 г. таковых насчитывалось 2065, во второй половине –1349, то за первое полугодие 1945 г. было оформлено только 1074 дела. Среди причин, обусловивших спад хозяйственной преступности,

[1] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.70. Л.128-132.
[2] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.5. Л.88-99.
[3] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.1. Д.74. Л.2.
[4] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.7. Л.31-33.

назывался некоторый рост благосостояния трудящихся, более тщательный подбор кадров в торговле, ужесточение репрессии в отношении осужденных. Действительно, процент реабилитированных снизился на 2,4 пункта, а оставленных в силе приговоров (после обжалования), напротив, достиг 80, что можно трактовать как результат совершенствования работы правоохранителей. Однако кражи зерна и горючего во время уборочной (1944 г.) и посевной (1945 г.) кампаний остались практически на прежней отметке. Это косвенно свидетельствует о продолжающемся кризисе жизнеобеспечения на селе[1].

Неподдельный исследовательский интерес вызывают данные о применении народными судами Указа Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Он непосредственно затронул и тех, кто находился под следствием на момент принятия решения высшим законодательным органом и тех, кто уже отбывал наказание за совершение кражи государственной собственности или незаконное обогащение. В южно-уральском регионе число помилованных составило 392, а лиц, которым был сокращен лагерный срок, 439 человек[2]. Подчеркнем, что все эти люди были привлечены по соответствующим статьям Уголовного кодекса. К осужденным по Закону от 7 августа 1932 г., совершавшим преступления в составе группы, умышленно и неоднократно, снисхождение не применялось.

Общее представление о том, как в годы военного лихолетья функционировало советское правосудие дает фонд 916 – Челябинский областной суд. Каждые полгода его президиум готовил статистические доклады для наркома юстиции РСФСР о проделанной работе. В разделах, посвященных экономическим преступлениям, сообщалось о выявленных махинациях с зерном, оконченных процессах по хищениям в госторговле, потребительской кооперации и прочих организациях. Указывался объем нанесенного и возмещенного ущерба, количество осужденных, виды наказаний. Анализировалась динамика приводимых цифр. Так, уменьшение привлеченных к ответственности по закону от 7 августа 1932 г. во второй половине 1942 г. на 68 человек по сравнению с предшествующим периодом объяснялось не снижением общего числа деликтов, а тем, что усложнились их формы, и это повлекло за собой падение раскрываемости. Среди недостатков отмечалась неточность в определении размера понесенных государством убытков и «небрежность» при рассмотрении вопроса об их компенсации на судебных заседаниях[3]. К сожалению, документы периода войны в указанном фонде сохранились в очень небольшом объеме.

Тем ценнее немногочисленные протоколы собраний первичной парторганизации облсуда, отложившиеся фонде 2022. Коллеги честно и откровенно делились друг с другом наболевшим. В январе 1942 г. эвакуированные в Челябинск судьи пожаловались секретарю ячейки на неприемлемые бытовые условия. Из их выступлений становится ясно, что жили они в не отапливаемых помещениях, питались хлебом и кипятком, испытывали острую нужду в керосине для освещения, одежде, обуви. Помощи им никто не оказывал. Это не могло не отражаться на качестве их работы[4]. В октябре 1943 г. юристы-коммунисты обсуждали итоги XXI пленума обкома ВКП(б) о хлебопоставках государству. Председатель судебной коллегии Ведров высказал мнение, что уголовное преследование осуществляется преимущественно против мелких расхитителей хлеба, а крупные воры остаются на воле. Он предложил прекратить необоснованные претензии к низовому колхозно-совхозному активу[5]. В конце января 1944 г. собравшиеся были единодушны в том, что их просьбы о материальной поддержке игнорируются, приобрести нужную вещь можно только по «блату» или за взятку. Компрометировать себя подобным обра-

[1] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.8. Л.19-33; 185-188.
[2] ОГАЧО. Ф.1041. Оп.5. Д.8. Л.251.
[3] ОГАЧО. Ф.916. Оп.22. Д.17. Л.25-41.
[4] ОГАЧО. Ф.2022. Оп.1. Д.5. Л.4.
[5] ОГАЧО. Ф.2022. Оп.1. Д.7. Л.29.

зом никому не хотелось. За верность долгу председателя облсуда Кучеренко в апреле 1945 г. наградили орденом «Знак Почета»[1].

В распоряжении историков также имеется несколько стенограмм заседаний первичек, образованных при других режимных учреждениях: региональном Управлении НКЮ РСФСР, Военном трибунале и военной прокуратуре войск НКВД Челябинской области, 4-м отделении Управления исправительно-трудовых лагерей, Политотделе при Златоустовской ИТК № 1, Стройуправлении № 7 Челябметаллургстроя НКВД СССР. Сотрудники выражали озабоченность в связи с участившимися случаями коррупции в своих рядах, когда отдельные начальники назначали на материально ответственные должности заключенных, а потом с выгодой для себя покрывали допущенные ими растраты и воровство[2].

4. Заключение

Итак, местные архивы располагают обширной документальной базой, которая позволяет показать, как типичные формы экономической преступности в обществе, ведущем тотальную войну, так и усилия региональных властей по противодействию корыстным устремлениям асоциальных субъектов. Большинство зафиксированных сюжетов относятся к малоизученным и дискуссионным страницам истории советского тыла.

В источниках партийного происхождения первостепенное внимание уделялось минимизации ущерба от воровства зерна и других продуктов в периоды посевных, уборочных и заготовительных кампаний, недопущению халатности в обращении с промышленным оборудованием, реагированию на криминальные проявления в стратегически важных сегментах народного хозяйства - железнодорожном транспорте, товаропроводящей сети, подсобных предприятиях крупных оборонных заводов. Постоянно отслеживалась результативность работы милиции, судов, рынков и карточных бюро. Специальная структура (КПК) собирала сигналы о злоупотреблениях номенклатурных чиновников, ущемлении прав трудящихся, инвалидов, членов семей военнослужащих и предпринимала меры для их защиты. Из сохранившихся материалов парторганизаций различных спецучреждений можно составить мнение о проблемах, с которыми сталкивались правоохранители при реализации правительственных постановлений и указаний.

В документообороте подразделений наркомата юстиции отражены: борьба со спекуляцией, обеспечение легитимности судопроизводства по делам о хищениях государственной собственности, разрешение возникавших юридических коллизий, устранение перегибов в карательной политике. Ведомственные бумаги также помогают создать представление о функционировании в 1941–1945 гг. прокуратуры, адвокатуры, судебных коллегий и систематизировать данные о совокупности совершенных хозяйственных преступлений.

В целом, проведенный анализ убедительно доказывает, что источниковая база по теме вполне достаточна для серии новаторских исторических исследований, которые способны с научных позиций осветить кажущиеся «неудобными» вопросы, связанные с Великой Победой.

Список источников и литературы

1. Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. (1999). *Ментальное измерение истории: поиски метода* // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Вып. 3. М.: РАН. С. 3-22.

2. Никонорова, Т. Н. (2014). *Делопроизводство Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934-1952 гг.* // Вестник архивиста. № 2. С. 104-113.

[1] ОГАЧО. Ф.2022. Оп.1. Д.7. Л.37,89.

[2] ОГАЧО. Ф.899. Оп.1. Д.10. Л.40,41; Ф.1096. Оп.1. Д.1. Л.31; Д.4. Л.3,48,49; Д.6. Л.26,42; Ф.1115. Оп.1. Д.8. Л.18; Ф.3061. Оп.1. Д.6. Л.3,7,10.

3. Никонорова, Т. Н. (2015 a). *Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в Российском государственном архиве социально-политической истории* // Вестник архивиста. № 1. С.89-99.

4. Никонорова, Т. Н. (2015 b). *Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.)* // Российская история. № 6. С. 26-40.

5. Никонорова, Т. Н. (2016 a). *Институт партийной ответственности в СССР, 1919-1952 гг.* // История государства и права. № 1. С. 9-14.

6. Никонорова, Т. Н. (2016 b). *Конструируя роскошь: бытовое пространство советской номенклатуры, 1940–1952 годы* // The Soviet and Post-Soviet review. № 43. С. 219-242.

7. Пасс, А. А. (2019). *Об экономической преступности в СССР в 1941-1945 гг. (по документам архивных фондов ГАРФ)* // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 2. С.50 – 58.

8. Пасс, А. А., Потемкина, М. Н. (2021). *Архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории как источник изучения экономической преступности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* // Вестник архивиста. № 4. С. 1064 – 1075.

9. Пыжиков, А. В., Скоробогатова, В. И. (1999). *Государственное строительство и правоохранительная система в СССР в 1953-1964 гг.* М.: Институт молодежи. 127 с.

10. Старков, А. (2020). *Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса* // Российская история. № 3. С. 95-107.

11. Твердюкова, Е. Д. (2011). *Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – начало 1950 – х гг.): историко-правовой анализ.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 328 с.

12. Solomon, P. H. (1996). Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, Cambridge University Press, 494 p.

References

1. Zubkova E. Yu., Kupriyanov A. I. (1999). *Mental`noe izmerenie istorii: poiski metoda* [The Mental Dimension of History: The Search for a Method] in *Rossijskaya mental`nost`: metody` i problemy` izucheniya*. (3). 3 – 22. (In Russian).

2. Nikonorova, T. N. (2014). *Deloproizvodstvo Komissii partijnogo kontrolya pri CzK VKP(b). 1934-1952 gg.* [Office work of the Party Control Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). 1934-1952.] in *Vestnik arxivista*. (2). 104-113. (In Russian).

3. Nikonorova, T. N. (2015 a). *Dokumenty` Komissii partijnogo kontrolya pri CzK VKP(b) v Rossijskom gosudarstvennom arxive social`no-politicheskoj istorii* [Documents of the Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU(b) in the Russian State Archive of Socio-Political History] in *Vestnik arxivista*. (1). 89-99. (In Russian).

4. Nikonorova, T. N. (2015 b). *Komissiya partijnogo kontrolya pri CzK VKP(b) (1934-1952 gg.)* [The Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU (b) (1934-1952)] in *Rossijskaya istoriya*. (6). 26-40. (In Russian).

5. Nikonorova, T. N. (2016 a). *Institut partijnoj otvetstvennosti v SSSR, 1919-1952 gg.* [The Institute of Party Responsibility in the USSR, 1919-1952.] in *Istoriya gosudarstva i prava.* (1). 9-14. (In Russian).

6. Nikonorova, T. N. (2016 b). *Konstruiruya roskosh`: by`tovoe prostranstvo sovetskoj nomenklatury`, 1940–1952 gody`* [Designing luxury: the domestic space of the Soviet nomenclature, 1940-1952] in *The Soviet and Post-Soviet review*. (43). 219-242. (In Russian).

7. Pass, A. A. (2019). *Ob e`konomicheskoj prestupnosti v SSSR v 1941-1945 gg. (po dokumentam arxivny`x fondov GARF)* [On economic crime in the USSR in 1941-1945 (according to the docu-

ments of the GARF archival funds)] in *Magistra Vitae: e`lektronny`j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii.* (2). 50 – 58. (In Russian).

8. Pass, A. A., Potemkina, M. N. (2021). *Arxivny`e dokumenty` Rossijskogo gosudarstvennogo arxiva social`no-politicheskoj istorii kak istochnik izucheniya e`konomicheskoj prestupnosti v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg.* [Archival documents of the Russian State Archive of Socio-Political History as a source for studying economic crime during the Great Patriotic War of 1941-1945.] in *Vestnik arxivista*. (4). 1064 – 1075. (In Russian).

9. Py`zhikov, A. V., Skorobogatova, V. I. (1999). *Gosudarstvennoe stroitel`stvo i pravooxranitel`naya sistema v SSSR v 1953 – 1964 gg.* [State construction and law enforcement system in the USSR in 1953 – 1964.] Moscow, Institut molodezhi. (In Russian).

10. Starkov, A. (2020). *Sovetskaya yusticiya v period Velikoj Otechestvennoj vojny`: istoriografiya voprosa* [Soviet justice during the Great Patriotic War: historiography of the issue] in *Rossijskaya istoriya*. (3). 95-107. (In Russian).

11. Tverdyukova, E. D. (2011). *Gosudarstvennoe regulirovanie torgovli v SSSR (konecz 1920-x – nachalo 1950 – x gg.): istoriko-pravovoj analiz* [State regulation of trade in the USSR (late 1920s – early 1950s): historical and legal analysis.] Saint Petersburg, Filologicheskij fakul`tet SPbGU. (In Russian).

12. Solomon, P. H. (1996). Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, Cambridge University Press. (in English).